

STALKER

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие — уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью, подобно фольклору или бродячим сюжетам.

**«ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «STALKER»**

- Андрей Левицкий, Алексей Бобл. «Я — СТАЛКЕР. ОСОЗНАНИЕ»
Андрей Левицкий, Алексей Бобл. «Я — СТАЛКЕР. АНТИЗОНА»
Александр Шакилов. «ГЕРОИ ЗОНЫ. ЗЕМЛЯ ВETERANОВ»
Александр Шакилов. «ГЕРОИ ЗОНЫ. ЯДЕРНЫЕ АНГЕЛЫ»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. ТРОПАМИ МУТАНТОВ»
Андрей Левицкий, Виктор Ночкин. «Я — СТАЛКЕР. СЛЕПАЯ УДАЧА»
Александр Шакилов. «ГЕРОИ ЗОНЫ. ЯРОСТЬ ОТЦОВ»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. ТРОЕ ПРОТИВ ЗОНЫ»
Виктор Глузов. «СТАЛКЕРЫ ПОНЕВОЛЕ. МЫШЕЛОВКА»
Алексей Молокин. «ПРИПЯТЬ—МОСКВА. ТЕБЯ ЗДЕСЬ НЕ ЖДУТ, СТАЛКЕР»
Ежи Тумановский, Андрей Амелянович «ЛЕГЕНДЫ ЗОНЫ.
ЗАПАСНОЙ ПУТЬ»
Виктор Глузов. «СТАЛКЕРЫ ПОНЕВОЛЕ. ХРАНИТЕЛЬ ЗОНЫ»
Александр Шакилов. «ГЕРОИ ЗОНЫ. ПОЛИГОН»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. НОВЫЙ ВЫБОР ОРУЖИЯ»
Ежи Тумановский. «ЛЕГЕНДЫ ЗОНЫ. В ПЕТЛЕ»
Александр Шакилов. «ГЕРОИ ЗОНЫ. МЫ — МУТАНТЫ»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. РОЖДЕНИЕ ЗОНЫ»
Виктор Глузов. «СТАЛКЕРЫ ПОНЕВОЛЕ. ВОПРОКИ СУДЬБЕ»
Константин Скуратов. «РОЖДЕННЫЕ В ЗОНЕ. ДАНО НЕ КАЖДОМУ»
Сергей Коротков. «ПЛЕННИКИ ЗОНЫ. О ВОЗВРАЩЕНИИ ЗАБЫТЬ»
Константин Скуратов. «РОЖДЕННЫЕ В ЗОНЕ. ПЕРЕДЫШКИ НЕ БУДЕТ»
Сергей Коротков. «ПЛЕННИКИ ЗОНЫ. СТАЛКЕРЫ НАВСЕГДА»
Андрей Левицкий, Алексей Бобл. «Я — СТАЛКЕР. КВЕСТ НА ВЫЖИВАНИЕ»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. САГА СМЕРТИ. ПЕТЛЯ АНТИМИРА»
Сергей Коротков, Владимир Андрейченко. «ПЛЕННИКИ ЗОНЫ.
СМЕРТИ ВОПРОКИ»
Дмитрий Кликман. «ПУТЬ СТАЛКЕРА. ПРАВО НА ОШИБКУ»
Андрей Буторин. «УПАВШИЕ В ЗОНУ. ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА»
Андрей Левицкий, Сергей Коротков. «Я — СТАЛКЕР. ЗОВ АРМАДЫ»
Владимир Андрейченко. «СТРАЖИ АРМАДЫ. УМЕРЕТЬ ВЧЕРА»
Юрий Уленгов. «ВЗЛОМАТЬ ЗОНУ. ХАКЕР»
Дмитрий Заваров. «ДОРОГИ ЗОНЫ. ГЕРОИ ПОНЕВОЛЕ»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. САГА СМЕРТИ. СЕТЬ АНТИМИРА»
Сергей Коротков, Владимир Андрейченко. «СТРАЖИ АРМАДЫ. АКСИОМА
ВЫЖИВАНИЯ»
Роман Приходько. «СТРАЖИ АРМАДЫ. ПРЫЖОК ЗА ГРАНЬ»
Дмитрий Луценко «СТАЛКЕР ОТ БОГА. ДОРОЖЕ ЖИЗНИ»
Юрий Уленгов, Наиль Выборнов «ВЗЛОМАТЬ ЗОНУ. НОВЫЙ РАССВЕТ»
Дмитрий Субботин «БРОДЯГИ. ОТМЕЧЕННЫЕ ЗОНОЙ»
Дмитрий Заваров «ДОРОГИ ЗОНЫ. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ»
Дмитрий Луценко «СТАЛКЕР ОТ БОГА. ПОРОГ НЕБЫТИЯ»
Владимир Андрейченко «СТРАЖИ АРМАДЫ. ПРЕДЕЛ ВЕЗЕНИЯ»
Андрей Амелянович «ЗОНА НАВСЕГДА. ГЛАДИАТОРЫ ПОНЕВОЛЕ»
Сергей Коротков «СТРАЖИ АРМАДЫ. ТРОПОЮ ИЗБРАННЫХ»
Иван Плотников «Я — СТАЛКЕР. ОСКОЛКИ НАДЕЖД»
ДМИТРИЙ ЛАЗАРЕВ «ВИРУС ЗОНЫ. КОЧЕВНИЦА»
Александр Тихонов «СТРАЖИ АРМАДЫ. ОХОТА НА ЗВЕРЯ»
Андрей Буторин «УПАВШИЕ В ЗОНУ. В ПОИСКАХ ВЫХОДА»
Юрий Уленгов «ВЗЛОМАТЬ ЗОНУ. ВРЕМЯ СНЯТЬ МАСКИ»
Дмитрий Луценко «СТАЛКЕР ОТ БОГА. ТОРЖЕСТВО ЗОНЫ»
Виктор Глузов «СТАЛКЕРЫ ПОНЕВОЛЕ. ГЛАЗАМИ ЗОНЫ»

STALKER

Виктор Глумов

[СТАЛКЕРЫ ПОНЕВОЛЕ]
ГЛАЗАМИ ЗОНЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г55

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Серия «Stalker» основана в 2013 году

Оформление обложки — *В. Половцев*

Художник — *А. Руденко*

Глумов, Виктор.

Г55 Сталкеры поневоле. Глазами Зоны : [фантастический роман] / Виктор Глумов. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (STALKER).

ISBN 978-5-17-101892-4

В Зоне Влада все знают по прозвищу Лаки, говоря по-русски, Счастливчик. Зона будто бы любит и оберегает его: сводит с нужными людьми, одаривает редкими артефактами, помогает преодолеть опасность. Но за пределами Зоны его везение заканчивается, Лаки совершает оплошность, и жизнь его переворачивается с ног на голову. Чтобы исправить ошибку, ему предстоит пойти в Зону и предать самого себя и все, что он любит. Гиблые места, где теряется связь с реальностью, мало изученные мутанты — не это пугает Лаки, ему предстоит самая трудная битва, битва с самим собой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101892-4

© В. Глумов, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Счастливчик

На войне, хирургическом столе и, пожалуй, в Зоне с любого атеиста слетает шелуха, и из-под лощенной маски с презрительно искривленным ртом выглядывает первобытный человек, скованный темным, глубинным страхом перед неизвестностью и самой смертью. Вдруг это не ветер гуляет в тростнике, а твоя погибель ворочается, трещит стеблями, сминая их, играя опушенными кисточками?

Лаки целился в тростник, и палец подрагивал на спусковом крючке старого доброго АК-47. Прошлой осенью здесь была поляна, усеянная разномастными аномалиями, а теперь, поди ж ты, болото! При том, что аномалии, видимые невооруженным глазом, все до последней оказались «полными». Разряжались они эффектно, взрывались фейерверками, рассыпали снопы искр, выплевывали в небо фонтаны какой-то мути. Лаки смотрел на них восторженно и, предчувствуя, что на поляне будет множество ценных артефактов, шевелил губами — благодарил того неведомого, кто так щедро одарил его!

Тогда он набил контейнеры под завязку, удачно продал арты, выручил кругленькую сумму и купил квартиру, о которой так долго мечтал. Правда, вначале на нее не хватало самой малости, девятисот тысяч, а кре-

дит безработному никто не давал. Пришлось занимать у неофициальных лиц, но больше половины долга он уже вернул, осталось четыреста.

Сейчас Лаки беззвучно молился, целясь в тростник. Коварное растение, слишком шумное, никогда не поймешь, есть там кто-то или нет, а если есть, то кто — птица, радиоактивный кабан или упырь? Еще и пульс грохочет в висках, как товарный поезд! Самое худшее, что может скрываться в тростнике, — упырь, если это так, то он уже или где-то близко, например, подкрадывается сзади, или не видит неподвижную жертву и скоро себя выдаст, начнет рыскать вокруг, главное не упустить его, ведь тварь маскируется и становится почти невидимой.

— Цып-цып-цып, — прошептал себе под нос Лаки.

Руку свело судорогой, капля пота скатилась по щеке за шиворот. Похоже, ни упыря, ни даже кабана в тростнике нет — просто ветер, но почему волосы на затылке шевелятся, и невозможно сдвинуться с места? Такое ощущение, что благоволившая ему фортуна отвернулась и устремила взор на кого-то другого. Влад по прозвищу Лаки, по-русски говоря, Счастливчик, догадывался, что в мире царит равновесие, и если мироздание щедро наделило везением, то возьмет чем-то другим. Ощущение было, что со дня на день сосуд иссякнет, и начнется обратный процесс.

Цыпа или не спешила покидать убежище, или же ее попросту там не было. Лаки крутанулся вокруг своей оси, готовый дать очередь по упырю, но сзади никого не оказалось, да и из тростника никто не бросился на него. Но переводить дыхание он не спешил, уж слишком осязаемым было предчувствие опасности; по-

пятился назад, поводя стволом из стороны в сторону, развернулся прыжком, рванул к накренившейся сосне, стоящей особняком на замшелой кочке. Нога провалилась в грязь, и в «берце» захлюпало. Лаки выругался, осадил себя, напомнив, что Зона не любит спешки, сел, не выпуская автомат.

Неизбежность скорой беды немного отступила, но все равно ощущалась как враг, затаившийся до удобного случая. Лаки был уверен, что Зона зачем-то бережет его и предупреждает об опасности, не дает расслабляться. Значит ли это, что беда ждет его вонне?

Только не Юля! Пусть мироздание берет кого угодно, что угодно, да хоть его почку или глаз, но только не ее! Тревога проклятая донимает, позвонить бы ей, убедиться, что все в порядке, но связи здесь, в Зоне, нет, а до Периметра сутки ходу.

Расшнуровывать ботинок и менять носок Лаки не стал, поковылял прочь от заросшей тростником поляны по собственным следам, едва различимым на покрытой мхом земле, — так все же безопаснее, не нужно бросать гайки с разноцветными матерчатыми хвостами — он уже выявил и разрядил все аномалии на пути. Чем дальше Лаки уходил от поляны, тем больше трезвел и, в конце концов, решил, что его зацепило психискажением, прислушался к ощущениям: предчувствие беды притупилось, но не исчезло вовсе. Лаки передернул плечами, опустил ствол, поставил АК на предохранитель, перекинул через плечо, выхватил из кобуры малышку-«беретту».

Наверное, над тростником висела «психичка». Если «физику» помогали выявить гайки, «химию» или «био» обычно видно невооруженным глазом, то с «психичкой» у Лаки отношения не складывались. Как

заметить, что в сознание проникло чужое, если его душевное состояние напоминает зигзаг энцефалограммы даже тогда, когда он находится в полной безопасности? Да, возле «психичек» стихает живность, но она и без видимого повода может умолкнуть, да, комаров нет... Лаки прихлопнул на лбу кровопийцу, посмотрел на его останки на ладони и сказал сам себе:

— Будем считать, что тебе, Влад, опять подфартило, а тебе, — он соскоблил комара, — не очень.

Если «психички» задевают несильно, то обычно отпускает в течение получаса — так говорят все, кто с ними сталкивался. Лаки отстегнул от пояса ПДА, засек время: минут пять он идет по сосняку, перебирается с кочки на кочку, значит, терпеть тревогу еще три раза по столько. Надо же, как зацепило! Он потряс головой и, наконец, переключил внимание с внутреннего мира на внешний.

Сосняк поредел, и путь преградила вырубка, где молодые осины переплелись ветвями с колючими кустами малины так тесно, что на танке не проедешь. За вырубкой простиралась березовая роща. Белоствольные деревья покачивали золотистыми, под цвет заката, листьями; на небе, наливающимся синевой, паслось кудрявое облако.

— Очей очарованье, — проворчал Лаки, сплюнул под ноги и потопал в обход завала, поглядывая по сторонам.

Нельзя терять бдительность: береженого бог бережет, не береженого смерть стережет. Как ни старайся, засветло до Периметра не добраться и Юле не позвонить...

Лаки, успокойся, а то трясешься непонятно над чем... Что Юльке угрожает за Периметром, в недрах мегаполиса?

Лаки представил город: светящиеся бусы фонарей, ленты дорог, светофоры с замершими перед ними машинами, коробочки домов, где едят, пьют, ссорятся, влюбляются и ничем не рискуют миллионы людей, их охраняют...

...Полицейские огораживают периметр, отгоняют любопытных, ведущих видеосъемку. Груда обгоревшего металла — машина, въехавшая в остановку, — обугленные тела, синяя сумка и белая рука тянется из-под простыни. Яркий браслет порвался, и бусины рассыпались — красное на черном... Юлькин любимый браслет!

...Полицейские накрывают простыней тело, кладут его к другим телам, склоняются над застреленным бородатым террористом, который так и не отпустил автомат, и даже смерть не разгладила на его лице гримасу ненависти...

Город вдруг представился ему многоголовым монстром, жаждущим крови, ненасытной, все переваривающей утробой. Там нельзя быть в безопасности, это иллюзия!

Лаки тряхнул головой, глянул на ПДА: двадцать минут прошло, пора бы уже прийти в норму. Или угрозило вляпаться в долгоиграющую аномалию? Или такую, что со временем прогрессирует, и самое веселое впереди?

Воображение нарисовало, как он спасается от несуществующей опасности, несется по Зоне, влетает в аномалию, и его с хрустом сминает в комок...

Похоже, просто так от паранойи не избавиться, придется применить простенький, но действенный арт — «мозговой слизень», он мгновенно из башки дурные мысли вышибает! Правда, есть у него огромный недостаток — зрение «плывет», начинает адски

болеть голова, и может кровь носом хлынуть. Если неважко станет, надо будет найти убежище, залечь там до утра и потерпеть. Лучше, конечно, к людям прибиться, пусть проследят, чтоб совсем ум за разум не зашел.

Эту местность, Дачи, Лаки знал как свои пять пальцев: семь километров от Периметра, поросшие кустарником поля, болотца, сосновые и березовые рощи. Аномалии самые обычные, из опасной живности — псы и кабаны, упыри — редкость, норушники обосновались в покинутых дачах, далеко оттуда не отходят — все просто и предсказуемо, одним словом, хожено-перехожено. До ближайшего укрытия от выброса три километра, до военного поста — пять, людей тут довольно много, так что если повезет, можно будет к кому-нибудь примкнуть.

Он покосился на щетинистую полосу соснового пролеска, подсвеченную кроваво-красным солнцем, пожалел, что не уйдет отсюда засветло, и побрел в сторону укрытия.

Чем ближе к Периметру, тем больше следов жизнедеятельности человека: окурки, обертки, вот белый целлофановый пакет трепещет на сухом стебле, будто флаг капитуляции. Солнце уже скрылось за холмами, нарумянив и запад, и восток за компанию.

Лаки выбрался на раскрошившуюся асфальтовую дорогу, сверился с картой, прошел метров триста и свернул на запад. До укрытия осталось с полкилометра — всего ничего, но по Зоне быстро не походишь. Шаг, гайка — вперед, повторить траекторию ее полета и снова бросить гайку. Вон туда, где возле куста шиповника трава подозрительно примята, лучше не идти, взять левее, ближе к осинам. Третья гайка замерла над

пожухлой травой, заискрилась, вспыхнула, разбрасывая в стороны искры. Трава загорелась, огонь пополз к малиннику, где понемногу угас. Волосы встали дыбом, спина взмокла, Лаки отметил, что реагирует, как желторотый юнец, он даже в свой первый выход в Зону так не боялся.

«Электра», ничего удивительного, а вот на ее месте может появиться интересный арт, и пренебрегать им не следует, нужно хоть немного заработать и напомнить о себе Брюту, что-де не забыл я про долг, просто пока на мели. Лаки швырнул вторую гайку над выгоревшей поляной, хотя понимал, что разрядившейся аномалии бояться смешно, но ничего не мог поделать с поселившимся в разуме червяком сомнений. Убедился, что все в порядке, включил фонарь и принялся шарить в пепле, но аномалия была пустой.

Пообещав себе не отвлекаться на мелочи, Лаки ускорил шаг. Если медлить, ночь застанет в лесу, а тогда даже везение не поможет.

Укрытия — глубокие подвалы с бетонными стенами — делали военные, когда пытались познать Зону, чтоб было, где ночевать и прятаться от выбросов. Выбросы зарождались в сердце Зоны, а ближе к Периметру слабели — такие подвалы вполне справлялись со своей задачей.

Лаки переступил ржавую проволоку, направил фонарь на вросшую в пригорок бурую стальную дверь, вставил ключ в замочную скважину, но тот не провернулся. Приплыли, кто-то заперся изнутри на щеколду. Прежний Лаки ухмыльнулся бы и мысленно предложил Зоне поиграть, а теперешний паникер сполз спиной по сосновому стволу и принялся шарить по карманам — искать успокоительное.

А вдруг там охотники за оружием или какие-то отморозки... Тьфу, позорище! Ругая себя забористо и многоэтажно, Лаки постучал, припал ухом к металлу и крикнул:

— Бродяги, открывайте! Пустите переночевать!

Ему ответила тишина.

Сволочи, неужели бросят на улице? В сердцах он пнул дверь промокшей ногой, зашипел и пообещал себе, что если выживет, утром подкараулит этих крыс и...

— Кто?! — грянуло из убежища. Лаки отлетел на метр от двери, еще раз выругался.

— Мать вашу, чего подкрадываться?

За дверью хмыкнули:

— Ну, прости, бродяга. Если штаны не запачкал, то впушу. И когда представишься, а то мало ли.

Зачесались кулаки, но Лаки стерпел, назвал себя. Кляцнула щеколда, приоткрылась дверь, и из подвала дохнуло сыростью. Лаки посветил фонариком в лицо незнакомому сталкеру, оккупировавшему убежище, тот вскинул руку, защищая глаза. Что, не нравится? На вот тебе еще!

— Убери фонарь, обидчивый ты наш, — проговорил незнакомец примирительно. — Я — Дым, нас внутри трое.

Лаки шагнул в освободившийся проход, сталкер захлопнул дверь, запер ее на щеколду.

— Ты извини, Дым, но я вроде вляпался в какую-то дрянь... Всех подозреваю теперь, жду беду. Надо мне подлечиться, поваляться овощем, пострадать.

— Не вопрос, — донеслось из-за спины.

Крутая лестница привела в прямоугольное помещение, похожее на многоместный гроб с нарами вдоль стен, только у входа их не было. На самой дальней

нижней полке кто-то спал, укрывшись спальником с головой. Поближе к выходу патлатый блондин орудовал складным ножом над продуктами, наваленными на пакет, расстеленный на полу, — ноздри защекотал аромат копченого мяса и чеснока.

Парень вскинул голову, пятерней зачесал растрепанные волосы... Точнее, зачесала. Это была девушка — на вид ровесница, лет двадцати пяти. Скуластая, глаза темные, волосы светлые, как и у Лаки. Фонарь на гвоздике, вбитом в верхнюю полку, покачивался, и на ее лице то вытягивались, то укорачивались тени. Вздернутый нос, губки бантиком, глаза с прищуром, лукавые...

Лаки встретился с ней взглядом и потупился. Нет, не лукавые, это иллюзия — цепкие, как крючья. И у Дыма такие же. Дым присел рядом с девушкой, и теперь Лаки удалось разглядеть его получше — узкое лицо, правильные черты, брови с изломом, девкам такой типаж обычно нравится. И в выправке что-то такое... военное, что ли.

Девушка поколебалась немного, шагнула навстречу и протянула руку:

— Меня зовут Кузя.

— Ага, слышал. Я — Лаки.

Рука у нее была шершавая, пальцы сильные, как у мужчины.

— И мы слышали. Ну, я так точно, а ты, Дым?

Дым неторопливо обошел помещение, уселся на нары справа, оперся спиной о стену, спрятав голову в тень от верхней полки, к которой крепился фонарь.

— Это ты, что ли, фартовый парень? — спросил он.

— Подозреваю, что слухи о моей везучести малость преувеличены, — Лаки опустил на нижнюю

полку, что слева от двери, с подозрением покосился на Дыма, перевел взгляд на третьего члена команды, укрытого с головой; отчего-то казалось, что добра от этой троицы ждать не следует, и он положил автомат на колени.

Кузя нырнула в затененный угол — вжикнула молния, зашелестел пакет. Лаки сгруппировался, боковым зрением наблюдая за неподвижным Дымом, казалось, что тот замер перед решающим прыжком, сейчас девочка выхватит дробовик и...

Девушка прошествовала на свое место с буханкой хлеба в руках, нарезала его крупными ломтями и принялась за колбасу. Рот наполнился слюной, в животе будто проснулся ненасытный монстр, заворочался и зарычал так громко, что Кузя первым делом предложила бутерброд Лаки. Он кивнул, вгрызся в него, даже не вникая, с чем он. Сыр, копченое сало с чесноком, хлеб черный бородинский — вкуснотища! Проглотив бутерброд, Лаки вытащил из кармана флягу с портвейном, сделал глоток и зажмурился от удовольствия.

— А жизнь-то налаживается, — прогудел Дым.

— Эх, ты, темнота! Не налаживается, а накладывается! — проговорила Кузя.

Они замолчали, и некоторое время доносились лишь звуки пережевываемой пищи. Когда желудочный монстр Лаки снова рыкнул, он уставился на Кузю, которая трапезничала, усевшись на каремат и скрестив ноги по-турецки.

— Кузя, меняю бутер на стакан портвейна! — сказал Лаки и навис над девушкой, побулькал флягой у нее над головой.

Она молча протянула кусок хлеба с салом, ломтиком помидора и веточкой петрушки.

— Держи, мы не жадные.

Спящий сталкер, о котором Лаки уже забыл, издал душераздирающий стон, ломающимся голосом подростка (они что, ребенка в Зону притащили?!) возмутился:

— Ну, дайте же вы поспать!

Он демонстративно заворочался и натянул спальник так, что спрятал даже волосы. Лаки указал на него пальцем и прошептал:

— Он на запах восстал.

— Ага, — буркнул Дым. — Себр, хорош дрыхнуть! Кушать подано.

— Да вы задолбали! — взвизгнул Себр и дернулся, как креветка в коконе. — Я спать хочу!

— Дым, фиг с ним, нам больше достанется, — Кузя подмигнула нависшему над ней Лаки и повертела пластиковым стаканчиком.

— Не вопрос, — дернул плечами Лаки и наполнил стакан портвейном почти на две трети. — Настоящий, белый крымский, семь лет выдержки.

— Эх, не повезло мне, не разбираюсь в винах, — вздохнула Кузя, отхлебнула небольшой глоток. — Дым, а ты?

— Пить пью, а чтобы разобраться — не очень, — Дым расстелил свой каремат, сел возле Кузи, похлопал рядом с собой. — Лаки, присаживайся, что ты как за-сватанный.

Кузя просканировала Лаки взглядом, свела брови у переносицы и выдала:

— Ты потерпи, это у всех так, — она повертела пальцами у лица, подбирая слово. — Мне казалось, что за мной следят, Дыму, вон, друг погибший мерещился, Себру...